

УДК 908

**БЫТ КРЕСТЬЯН - ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ АКМОЛИНСКОЙ
ОБЛАСТИ**

Есенбаева Зарина

студентка 2 курса специальности «История»

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель: доктор Ph.D Кабылтаева С.К.

Крестьянская колонизация казахской степи началась много лет до разрешения переселений. Так, в 1866 году образовались первые самовольческие крестьянские поселки в Акмолинской области [1, с.31]. Переселенцы устраивались здесь, арендуя потребное

количество земли у казахов. На почве арендных соглашений совершалась первоначальная колонизация и других местностей казахской степи – в областях Тургайской и Семипалатинской.

С отменой в 1861 году крепостного права в России начинается как стихийное, самостоятельно, так и организованное переселение безземельных крестьян из южных и центральных губерний империи в Казахстан.

В 1861 году казахам Акмолинской области, было разрешено заводиться «прочною оседлостью и заниматься хлебопашеством, но при условии разъяснения им, что земли отводятся не в собственность, а только во временное пользование». Это свидетельствует о том, что российская власть пыталась затормозить процесс изменения земельных отношений в Казахстане.

После окончательного захвата края, царизм объявляет территория Казахстана собственностью российской короны, а автохтонных жителей края арендаторами, определяет тем самым юридический статус местного населения. Но как уже было замечено, юридическое оформление собственника не решила всех проблем, поскольку в степи сложились иные отношения собственности. Это обстоятельство заставило начать активное изучение производственных отношений и производительных сил в крае. При наделении земель крестьян – переселенцев, колониальная администрация не учитывала интересы местного населения.

Данная политика принесла много вреда не только казахам, но и самим крестьянам, по той причине, что переселение первоначально производилось без должного научного анализа, приводившего зачастую к игнорированию экологических условий. Не учет природно-климатических особенностей, в свою очередь, поставила хозяйство переселенцев на грань разорения, что заставило власти империи заняться изучением экологических особенностей Казахстана.

С введением в 1867 – 1868 гг. «Временного положения», которое не учитывало при административно-территориальном делении принципы генеалогии родства, традиционная система землепользования была окончательно надломлена. Реформами 1867-1868 гг. были уничтожены остатки самостоятельности казахского народа. Это ярко характеризуют слова П.П. Румянцева: «... далее нет уже истории киргизского (казахского) народа, а есть история сельских обывателей – инородцев степных областей». Одной из инородческих окраин России была и территория Павлодарского уезда [2, с.30].

В XIX веке царским правительством под предлогом просвещения «отсталого» казахского народа и приобщении его к более высокой земледельческой культуре проводилась планомерная политика, направленная на уничтожение национального самосознания и государственности. О том, что реформы XIX века не были направлены на благо казахского народа, говорит статья неизвестного автора «О древних киргиз-кайсаков». По мнению автора, с несообразности законодательных положений царизма привела к общему упадку нравственности, разорению и обеднению казахов. Такого же мнения придерживался А.А. Кауфман, который писал: «Порядок, навязанный извне и основанный на пустом теоретизировании, может лишь помешать истинному прогрессу. Большая часть степей по своей природным условиям пригодна только для кочевой жизни, и если вынудить кочевников перейти к оседлости, это, безусловно, явится, причиной регресса и приведет к обезлюдению степей» [3, с.35].

Вопрос о вселении в Казахский край русских крестьян впервые был возбужден генерал-губернатором Западной Сибири Казнаковым. «Положение степных областей – заявил он в отчете за 1875 г. – требует особенного внимания. Со времени принятия киргизами (т.е. казахами) русского подданства успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны... Между тем, доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться только русскими по переписям...» [3, с.41].

В 70-е годы XIX века царское правительство берет курс на усиленную крестьянскую колонизацию Акмолинской области. Официальную точку зрения на этот вопрос выразил в своем отчете делопроизводитель Земского отдела Сувчинский: «Существовавшие в прежние время казачьи пикеты, способствовавшие умиротворению этой страны, выполнили уже свою историческую задачу. Потребности нового времени поставили на очередь вопрос об экономическом развитии степи и ее культурном объединении с остальной Россией, и ныне переселенческие поселки настолько же необходимы в крае, насколько прежде были важны вышеуказанные пикеты» [4, с.22].

Решено было организовать на киргизских землях русское поселение, которое предполагалось размещать главным образом при почтовых и коммерческих трактах, так как это дает большее удобство для передвижения транспорта, а развитие хлебопашества на пунктах новых поселений должно было удешевить хлеб, обеспечить существование кочевников. Для проведения всех этих предначертаний было образовано при Главном Управлении Западной Сибири особая комиссия, которая должна выработать положение о порядке колонизации степи. Вслед затем была начата работа по образованию переселенческих участков.

Засельщикам участка Акмолинской области при поселении представлялись всевозможные льготы: 1) право выбора участка; 2) льгота от платежа податей и от натуральных повинностей, кроме воинской, на десять лет, если переселенцы в течении двух лет обзаведутся постройками и приступят к распашке надела; 3) на первоначальное обзаведение: а) бесплатно 100 корней и по 20 рублей безвозвратно на каждый двор и б) на земледельческие орудия и на приобретение скота и по 20 рублей – также безвозвратно.

В 70-х годах по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Генерал-адъютанта Казнакова уже официально образуются первые русские поселения на казахских землях. За период с 1879 г по 1884 г в Акмолинской области было образовано 18 переселенческих участков, на которых водворено 809 ревизских душ.

В отчете генерал-губернатор Западной Сибири Казнакова отмечалось, что «осторожное, без стеснения кочевников, водворение внутри киргизских степей русского населения представляется единственным средством, могущим смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа».

По мнению Г. Чиркина, в 1881 году царским правительством были приняты Временные правила о переселении крестьян, а в 1889 г. – Закон о добровольном переселении сельских обывателей на казенные земли. Эти законодательные акты значительно стимулировали миграционные настроения у российских крестьян. С конца 80-х годов основываются переселенческие поселки в Семипалатинской области частью при содействии администрации и, главным образом, самовольно [5, с.60].

Убедившись в высоких качествах своих участков, новоселы начали вызывать к себе земляков или принимать случайных переселенцев и постепенно расширяли свое землепользование. С увеличением русского населения, в отношениях между хозяевами казахами и арендаторами – переселенцами возникали недоразумения, кончавшиеся вмешательством администрации. По словам Ядринцева: «Кроме того, поселение в кочевых инородческих районах русских переселенцев ведет к столкновениям, к захвату инородческих пастбищ, водопоев, зимовок и т.п.». При этом крестьяне обычно просили администрацию о земельном устройстве их на занятых ими землях [6, с.21].

Заселению Акмолинской области крестьянами препятствовала отдаленность его от Европейской России, полунезависимое до 1868 г. состояние казахских волостей и отрицательное отношение к такому заселению со стороны местной администрации. Такое отношение ее находилось тогда в полной гармонии со взглядом правительства на переселение крестьян в Сибирь. Политика правительства, начиная со времени освобождения крестьян до конца 80-х годов, не поощряла движение крестьян за Урал, а, наоборот, ставила ему преграды. Освобожденные от власти помещиков, они были необходимы для них, как дешевые работники, почему правительство в 1866 г. совершенно закрыло переселение.

Относительное малоземелье, неурожаи, отсутствие заработков – все это побуждало крестьян искать из своего тяжелого положения какой-нибудь выход, и по исконной русской привычке он был найден в стремлении к переселению «на новые земли». Лишь в 1881 г. правительство решилось несколько ослабить крестьянские пути: были изданы временные правила о переселении, но ввести их в жизнь было решено « без особой огласки», без их обнародования.

Неудачи, которые потерпело царское правительство в начальный период переселенческого движения, привели к тщательному его переосмыслению. Осторожное отношение правительства к переселенческому вопросу сказались при разработке переселенческого закона 1889 года подготовительных работ. В течении 5 лет вопрос о разработке общего закона переселения обсуждался на различных комиссиях. Разработка этого закона сначала была поручена особой комиссии, образованной из чиновников разных министерств под представительством сенатора Семенова. Комиссия высказалась за то, чтобы переселения не носили самовольный характер, а были подчинены местной администрации, начиная с выбора лиц, могущих переселяться и кончая водворением переселенцев на новые места.

Для дальнейшей разработки переселенческого закона с учетом мнения императора Александра III была образована новая комиссия под председательством Плеве. В эту комиссию вошли чиновники разных министерств. Проект закона был обсужден департаментами закона и государственной экономики, которые сочли его достаточно востребованным.

После рассмотрения проекта о переселении объединенными департаментами эти правила подверглись еще некоторым изменениям, главным образом в той части, которая касалась отвода переселенцами участков и оказания им пособия на местах нового водворения. В 1889г. Правила сделались законом «Правил о переселении сельских обывателей на казенные земли».

Основные положения этого закона сводились к следующему: во – первых, переселенческое дело оставалось в руках правительственных органов; во – вторых, необходимым условием для переселения отдельных лиц являлись разрешение, выдаваемое министром государственных имуществ; в – третьих, всякий, не получивший такого разрешения, считался самовольным переселенцем и подлежал обратному возвращению на место приписки в административном порядке.

Разрешение предписывалось давать лишь «надежным» хозяевам, «заслуживающим уважения», направляя их на земли, предназначенные для заселения. В Степном крае это были Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. Так же Положение включало в себя правила об образовании земельных участков, о порядке причисления вновь прибывших, систему пособий и льгот переселенцам. Земельные нормы в степных областях конкретно не определялись, а устанавливались «в размере, определяемом... условиями земледелия и производительностью почвы». Целью закона было стремление содержать развивающееся переселенческое движение и заключить его в рамки бюрократического делопроизводства [7, с.11].

Положение 1889 г. фактически открыло Казахстан для переселенцев из России, но оно, как и все последующие законодательные акты, не смогло упорядочить переселенческое движение. Бюрократические проволочки затягивали выдачу разрешений примерно на год и около половины крестьян-переселенцев по прежнему пускались в дорогу нелегально, хотя положение 1889 г. предписывало возвращение каждого самовольца на место приписки в административном порядке [7, с.12].

Но приостановить громадную волну переселенческого движения народной массы царскому правительству не удалось. С 1888 года в Павлодарском и других уездах и областях почти прекратились всякие отношения между администрацией и переселенцами. Администрация учреждала одну за другой комиссии, всесторонне рассматривающие почвенные и климатические условия и изыскивающие пути для наилучшей постановки

переселенческого дела, а переселенцы продолжали селиться и уходить дальше, не справляясь никогда со сведениями, которые, которые добывались различными комиссиями, и часто оставались совершенно неизвестными администрации [8, с.19].

Впоследствии этот закон дополнялся различными указами и циркулярами правительства, направленными то на некоторое расширение переселения, то на запрещение или приостановление его.

Стремясь принять против самовольного переселения какие-либо предупредительные меры правительство на первых порах решило приостановить переселение крестьян. С этой целью в марте 1892 года начальникам губернии было приказано прекратить выдачу разрешения на переселение под предлогом отсутствия подготовительных участков для поселения. Но эта мера не дала желаемых результатов. В 1891-1892 годах Россию постигли неурожай и голод, которые вытолкнули в Казахстан новую, огромную, переселенческую волну, смывшую таким образом, запретительную бумагу.

Начавшаяся отрезка участков под переселенческие участки породила в степи разные слухи вплоть до известий о предстоящем, будто бы, отобрании казахских земель и т.п. Боясь каких либо недоразумений областная администрация предписала уездным начальникам убеждать казахов не верить таким басням, но кочевники, как бы предвидя будущее, относились к таким разубверениям скептически. Казахи реагировали на вселение крестьян подачей множества прошений об образовании из них оседлых селений, но, несомненно, под этим предлогом перехода к оседлости скрывалось лишь желание сохранить за собою свои земли [9, с.35].

Были установлены льготы для поселенцев на новых местах, им давался бесплатный надел земли. Новопоселившиеся крестьяне получали на первые три года полное освобождение от государственных повинностей, им для устройства хозяйства выдавалась ссуда на определенный срок деньгами, семенами, инвентарем и сверх того, безвозмездная материальная помощь, лес для застройки. Такие же льготы предоставлялись казахам, принявшим христианство. Эта покровительственная политика в сочетании с перспективой получать плодородные земли в Казахстане вызвала сначала слабый, но постепенно усиливающийся поток переселенцев из центральных районов России, гонимые нуждой и голодом.

Под поселки для вселяемых крестьян выделились из казахского пользования не свободные от кочевий земли (таких собственно не было), а наиболее пригодные для крестьянского оседлого хозяйства, при чем не обращалось внимания на то, какой род угодий (кстау, куздеу или джайлау) составляют выделяемые земли. Мест, пригодных для земледельческой культуры, в казахских степях, благодаря их природе, сравнительно немного, и поэтому значительное выделение их под поселки не могло не повлиять на отмеченную выше тенденцию казахского хозяйства к переходу от экстенсивного скотоводческого хозяйства к смешанному использованию земли путем земледелия и скотоводства, с интенсификацией последнего.

Тяжелое положение местных номадов, вызванное варварским изъятием земель для переселенцев, ставило порой в затруднительное положение областное начальство: «... киргизы кочующие на правой стороне р. Иртыша в округах Семипалатинском и Павлодарском крайне стеснены, не говоря о зимних и летних кочевках, что побудило и побуждает их к постоянному выселению, через что областное начальство в крайнем затруднении...» [10, с.18].

В практике переселенческого дела встречались случаи образования переселенческих участков «смежно с зимовками и даже иногда зимние стойбища оказываются с трех сторон окруженными крестьянскими поселками: в результате киргизы, привыкшие к простору, крайне стеснены, а крестьянам приходится делать объезды, чтобы, минуя зимовки, проезжать из одного конца участка в другой.

Колонизаторская политика, отнимая все лучшие земли и оставляя казахам худшие, не могла, тем самым, не ставить преграды ко всякому развитию казахского хозяйства. Аулам, которые

лишались своих угодий, должна была отвести их та волость, в состав которой они входили. Но в каждой волости, кроме джайлау, все лучшие земли были распределены между другими аулами, поэтому приходилось или насильственно вселять их на чужих угодьях или отводить им зимовки на джайлау. При массовом отводе переселенческих участков (например, в Павлодарском и Устькаменогорском уездах) все это, помимо сокращения казахского землепользования, не могло не внести громадного расстройств в установившиеся в степи земельные отношения. Увеличились всякого рода земельные споры, стало еще более усиливаться стремление к закреплению угодий, хотя бы путем фиктивного образования оседлых селений. Наконец, описанные способы вселения крестьян повели еще к усилению антагонизма между баями и беднотой, потому что при устройстве на новых, часто незначительных по размеру местах каждому приходилось заботиться прежде всего о своих личных интересах [11, с.13].

Вот такого рода самовольные переселенцы хлынули в начале 90-х годов в Семипалатинскую область, где г. Устькаменогорск обратился в своего рода переселенческую станцию. Отсюда они расходились по уезду, а часть их отправлялась дальше – в Семиречье, Туркестан, в Китай, в «Широкую щель», на «Крант-реку» и др. таинственные места, «где текут молочные реки в кисельных берегах». У переселенцев были свои вожаки, которые и хлопотали от их имени об образовании поселков на том или ином самовольно захваченном урочище. Тут они строили балаганы, делали шалаши из прутьев, землянки и так жили, иногда в страшной нищете, ожидая ответа на свои прошения.

Исследователь переселенческого движения А.К. Байсебенова писала по этому поводу: «Переселение – это поистине какая-то огромная людская река, устремляющаяся по коренной России и Зауральский горный хребет. Как птицы перелетные, которые с наступлением холодов без удержу тянутся огромными стаями в теплые заморские края, так точно крестьянство, наголодавшееся и обнищавшее на родине, ищет себе простора и достатка в неведомом крае» [9, с.7].

Семипалатинская администрация была захвачена врасплох этим чисто стихийным крестьянским движением и волей-неволей, вынуждена была отводить переселенцам участки. Так возникли поселки в Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах.

В 1885 г. царским правительством был образован «Западно Сибирский переселенческий отряд», который в 1893 году заготовил под переселенческие участки в Семипалатинской области 33 тыс. десятин земли, а в Акмолинской области до 280 тыс. десятин земли, куда к тому времени переселилось уже 12400 крестьян.

В обсуждении проекта «Степного положения» 1891 г. ставился вопрос о праве казахов на землепользование. В одной из статей в частности говорилось: «Земли, занимаемые кочевьями, и все принадлежности сих земель, в том числе леса, признаются государственной собственностью».

Усиленное движение крестьян в Сибирь после голодного 1891 года заставило правительство принять меры к его упорядочению. Учрежденному в 1892 г. Комитету по постройке Сибирской железной дороги было, между прочим, поручено содействовать заселению прилегающих к дороге местностей, в число которых была включена и Семипалатинская область. На первый план Комитет поставил землеотводные работы, так как годных переселенческих участков не было.

Проведение Транссибирской железной дороги (1891-1905) создало необходимую материальную инфраструктуру для переброски крестьян-переселенцев. По данным Т.И. Седельникова, уже в 1890 г. в Казахстан направились два крупных потока переселенцев – один из Полтавской губернии (более 21 тыс. человек), а другой из Самарской (свыше 19 тыс. человек); средние из Самарской, Астраханской, Воронежской и Черниговской (от 10 до 13 тыс. человек) и небольшие из разных центральных губернии [1, с.41].

«Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» 25 марта 1891 г. унифицировало и свело воедино все законы о землепользовании и землевладении на территории современного Казахстана.

Собственно, в нем в основном повторялись и закреплялись каноны «Временного положения» 1868 г. Земли, в том числе и леса, признавались государственной собственностью (ст. 119), а земли, занимаемые кочевьями, предоставлялись в бессрочное общественное пользование (ст. 120). Однако «Примечание 1» к ст. 120 было совершенно новым по содержанию и гласило, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ». «Этим путем, – говорилось в комментарии к «Примечанию 1», – ограждаются в будущем права государства на всю обширную территорию степных областей, без стеснения в то же время кочующих инородцев». Таким путем правительственные органы закрепили юридически свои уже фактически существующие права распоряжаться землями, принадлежавшими казахам. Но вскоре стало очевидно, что даже это эфемерное «Примечание» государство соблюдать не собиралось, ибо оно уже с 1893 г. приступило к размежеванию участков для переселенцев. Один из чинов переселенческих партий, землемер и статистик Т.И. Седельников писал позже, что в 1904 г. при некоторых пертурбациях высшие чины землеустроительных комиссий Степного края опасались, как бы не возник вопрос о законности изъятия земель у казахов, т.к. не были выполнены предварительные условия: размежевание земель и поземельное устройство коренного населения. Он подчеркивал, что «одна постановка такого вопроса приводила ... столпов колонизации степи в ужас, так как к тому времени они сами уже сознавали, что юридического основания у этой колонизации не было и нет». Очевидно, что волна крестьянских переселений, вновь поднимавшаяся в начале 90-х гг. XIX вынудила правительство пойти на явное беззаконие [1, с.22].

Новый миграционный поток поставил правительство перед необходимостью упорядочить землепользование казахского населения и самовольно вторгшихся крестьян. К этому вынуждало множество конфликтов переселенцев, как с местным населением, так и с крестьянами-старожилами. С 1893 г. начала работать 1-я межевая партия в Акмолинской области, позже были образованы и другие партии. Работа их была малоудовлетворительной. В 1894 г. Николай II отметил в отчете степного генерал-губернатора «необходимость скорейшего обследования качества и определения количества свободных земель, находящихся в использовании кочевого населения Акмолинской и Семипалатинской областей». Организация такого обследования была вменена в обязанность Комитета сибирской железной дороги. Комитет отметил «замеченное в последние годы особое стремление выходцев из европейской России к поселению в пределах Степного края, ввиду чего следовало позаботиться постановкой колонизации его на прочные основания».

С этой целью в 1895 г. была образована особая экспедиция, под руководством известного русского статистика Щербины. Экспедиция произвела тщательное исследование 12 уездов степных областей. В течении шести лет экспедиция тщательно обследовала все уезды Акмолинской и Семипалатинской областей, при чем работа ее выразилась: а) в производстве сплошной хозяйственной переписи всего казахского населения, давшей возможность произвести массовый учет хозяйств, населения и скота и выяснить, какими площадями пастбищ и в течение какого срока пользуются отдельные казахские группы; б) в бюджетных обследованиях, на основании которых можно было определить продовольственные, и другие потребности средней казахской семьи и способы их удовлетворения; в) в исследовании естественноисторических условий: рельефа местности, почвенных особенностей, лесной и травяной растительности и водных источников. На снове собранных экспедицией в течении шести лет материалов половина всей земли, в основном самой плодородной, у казахского населения изымалась, а кочевники сгонялись в безводные, малопригодные для жизни земли. Для Павлодарского уезда экспедиция установила норму земли на хозяйство казахов в пределах 30-360 десятин. Даже эти мизерные цифры не удовлетворяли царское правительство, переселенческое управление считало, что нормы землепользования казахов, и установленные Щербины, не соответствуют интересам переселенческого фонда.

Земельные нормы для казахов, определенные экспедицией были повышены Министерством Земледелия и государственных имуществ на 25 % и, кроме того, постановлено было из всего количества излишков употребить на нужды переселения только 2/3. Кроме того, сама экспедиция высказала категорическое мнение, что, прежде чем использовать земельные излишки для государственных надобностей, в том числе и под переселение, необходимо устроить казахов, чтобы при отчуждении земель не пострадали их законные интересы.

Надо отметить, что целесообразность внедрения крестьянина в степь подчас вызывала сомнения, а порой и бурный протест. Дискуссия между сторонникам колонизации и ее противниками нашла отражение на страницах местной и центральной печати. Так, Г. Валихан, протестуя против изъятия зимовок под нужды переселения, писал, что «отобрание у киргиз таких мест делает положение их в крае невозможным». С другой стороны, «Киргизская степная газета» неоднократно поддерживала переселенческую политику правительства и в 1894 г. в одной из статей заключала: «Нельзя же не только в интересах общего благосостояния, но и во имя простой справедливости допустить, чтобы в одном месте государства сельские обыватели имели ничтожные клочки земли, совершенно не обеспечивающие их семьи, а в другом – на каждую семью приходилось сотни десятин». Много противников колонизации степи было среди работников местной администрации, представители которой весьма прагматично смотрели на процесс переселения и на практике имели дело с примерами реальных осложнений в хозяйстве казахов и прочих последствий этого явления. Степной генерал-губернатор в отчете за 1901-1902 гг. обращал внимание вышестоящих органов, что «водворение переселенцев ограничило кочевнику простор не только в смысле количества, уменьшением площади кочевья, но и в отношении использования этого простора, сузив кочевые пути и отрезав от воды. Наносимый удар экономическому положению кочевника продолжает развиваться.... Таково не столь культурное, а пока скорее отрицательное для массы киргизского населения значение фактора водворения переселенца в степи...».

Список использованной литературы

1. Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи / Казахское республиканское отделение. Алматы, 1991.
2. Коншин Н.Я. Краткий исторический очерк Семипалатинского края (до 1917). Семипалатинск, 1927.
3. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб: Общественная польза, 1905. – 439 с.
4. Ешмуратов А.К. Историография: проблемы земельной собственности в казахском обществе второй половины XIX – начала XX вв. Учебное пособие. – Павлодар, 2003. – 104 с.
5. Чиркин Г. Землеотводное дело в киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // Вопросы колонизации. – 1907. – № 3 – 60-84 с.
6. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1892.
7. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. – Алматы, 1966. – С. 43-44.
8. Гинс Г. Переселение и колонизация. – СПб: 1913. – 65 с.
9. Байсебенова А.К. История переселенческого движения в крае // История Павлодарского Прииртышья: (труды студентов), в 5 томах. Т5. – Павлодар: ПГУ им. С.Торайгырова, 2003.
10. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (На материалах Семипалатинской области). Автореферат дисс...канд.ист. наук. – Алматы, 1994.

11. Таштемханова Р.М. Из истории колониционной политики царизма в Казахстане во второй половине XIX – начале XX века. Учебно-методическое пособие для студентов исторических факультетов. Павлодар, 2001.